

СТРУКТУРНО-КОММУНИКАТИВНЫЕ МОДЕЛИ С ЦЕЛЕВОЙ СЕМАНТИКОЙ В СЛОЖНОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

IRINA V. ODINTSOVA

STRUCTURAL AND COMMUNICATIVE MODELS WITH TARGET SEMANTICS IN A COMPLEX SENTENCE
IN THE PRACTICE OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

В статье рассматриваются сложноподчиненные предложения цели с точки зрения преподавания в иностранной аудитории. Употребление сложноподчиненных целевых предложений является одной из наиболее сложных тем в практике преподавания русского языка как иностранного (РКИ). В лингвистической литературе выражение целевых отношений сложным предложением не находит однозначного толкования: существует широкое и узкое понимание этих предложений. Обращение к понятию структурно-коммуникативной модели позволяет ограничить употребление целевых предложений случаями выражения собственно- и несобственно-целевых отношений. Подобное деление синтаксических отношений, выраженных в предложении, чрезвычайно актуально в РКИ, поскольку отражает, во-первых, динамику подачи грамматического материала в зависимости от уровня владения языком иностранных учащихся; во-вторых, определяет объем этого материала. Собственно-целевые отношения, выраженные средствами сложного предложения, составляют ядро как наиболее стабильная часть функционально-семантического поля. Эти отношения передают значение цели — выражение желаемого результата как целенаправленного действия субъекта — в самом общем виде. В несобственно-целевых предложениях отношения цели трансформируются в отношения «предназначения», а субъект, репрезентируемый эксплицитно или имплицитно, мыслится как косвенно-субъектный деагентивный носитель признака. Основным средством выражения собственно- и несобственно-целевых отношений являются союз *чтобы* или его модификации: *для того чтобы, с тем чтобы, затем чтобы, с той целью чтобы, ради того чтобы*.

Ключевые слова: целевые отношения, сложноподчиненное предложение, русский язык как иностранный.



**Ирина Владимировна
Одинцова**

кандидат филологических наук, доцент

► odintsova.irina@gmail.com

Московский государственный
университет имени М. В. Ломоносова,
Российская Федерация, 119991,
Москва, Ленинские горы, 1

Irina V. Odintsova

Candidate of Philology, Associate Professor

Lomonosov Moscow State University,
1, Leninskie Gory, Moscow, 119991,
Russian Federation

The article deals with complex sentences of the goal from the point of view of their teaching in a foreign audience. The use of complex target sentences is one of the most difficult topics in the practice of teaching Russian as a foreign language. In linguistic literature, the expression of target relations by a complex sentence does not find an unambiguous interpretation: there is a wide and narrow understanding of these sentences. Appeal in the practice of teaching Russian as a foreign language to the concept of a structural-communicative model allows us to limit the use of target sentences to cases of expressing self- and non-self-target relations. Such a division of syntactic relations expressed in a sentence is extremely relevant in Russian as a foreign language, since it reflects, firstly, the dynamics of the presentation of grammatical material depending on the level of foreign students' language proficiency, and secondly, determines the volume of this material. Self-goal relations, expressed by means of

a complex sentence, constitute the core as the most stable part of the functional-semantic field. These relations convey the meaning of the goal — the expression of the desired result as a purposeful action of the subject — in the most general form. In non-target sentences, goal relations are transformed into “purpose” relations, and the subject, represented explicitly or implicitly, is conceived as an indirectly subjective deagent carrier of the attribute. The main means of expressing proper and non-proper-target relations is the union to or its modifications: *in order to, in order to, then in order to, in order to, in order to*.

Keywords: target relations, complex sentence, Russian as a foreign language.

Введение

«Язык, в составе своем, есть воплотившаяся мысль; язык есть разумный мир. А потому мы должны понять язык и построить его на основании в нем выразившейся мысли», — пишет Константин Аксаков [Аксаков 1875: 530]. Выразить мысль призвана прежде всего грамматика, поскольку именно она является обобщенно-формализованной матрицей оформления наших мыслей, знаний о мире. Грамматика не несет, подобно лексике, вещественной информации, она не является предметом сообщения. Однако она, наряду с лексикой, участвует в формировании связи между языком, сознанием и действительностью. Количество грамматических явлений в языке ограничено, однако именно они организуют в строгом порядке пеструю калейдоскопическую картину мира, запечатленную в лексике. Грамматика является наиболее абстрагированным компонентом языковой картины мира. Только в опоре на грамматику человек способен систематизировать свой прошлый опыт, запечатлеть его и передать другим. Формирование грамматических навыков является необходимым условием овладения русским языком как иностранным (РКИ).

Выражение целевых отношений в русском языке является одной из самых сложных тем в практике преподавания РКИ. Во-первых, это обусловлено самой структурой сложноподчиненного предложения со значением цели, во-вторых, наличием в языке предложений, отличающихся синкретизмом выражения целевого значения с другими значениями, выявляемыми только в широком контексте.

Обсуждение

В качестве единицы обучения грамматике и для развития продуктивных видов речевой деятельности в РКИ принимается структурно-коммуникативная модель — модель (алгоритм порождения высказывания), которая, будучи наполненной конкретным языковым материалом, позволяет учащемуся полноценно участвовать в коммуникации (подробнее см.: [Одинцова 2002; 2009]).

Структурно-коммуникативная модель обладает следующими признаками: инвариантность коммуникативно-грамматического значения; регулярность и частотность воспроизведения грамматической семантики средствами простого и сложного предложений; наличие специализированных средств, участвующих в создании типового инвариантного значения.

Целевые отношения предполагают связь двух явлений, событий. Наиболее релевантным средством обозначения событий, связанных в том числе целевыми отношениями, должны быть предложения, отражающие развернутые пропозиции. Такими предложениями являются сложноподчиненные целевые предложения (ЦСПП). Однако вопрос о ЦСПП до сих пор не находит однозначного решения. В литературе существует узкое и широкое понимание целевых сложноподчиненных предложений.

Узкий подход представлен в «Грамматике русского языка» [Грамматика... 1954], «Грамматике современного русского литературного языка» [Шведова 1970], а также в исследованиях Н. Д. Арутюновой, И. Б. Левонтиной, Е. В. Рахилиной, Н. И. Формановской. Согласно позиции перечисленных авторов, у ЦСПП имеется четкое семантическое ограничение для главной части: «1) главная часть не может иметь значения статического пассивного состояния: для нее обязательно значение динамического, активного действия; 2) главная часть обозначает произвольное действие, субъект которого — сознательно действующее лицо. Эти семантические ограничения влекут за собой ограничения в лексическом составе и строении главной части» [Шведова 1970: 725]. Например, «Уходя, она обернулась, чтобы

в последний раз улыбнуться и кивнуть Аркадию» (И. С. Тургенев. Отцы и дети).

При широком подходе объем средств выражения целевых отношений значительно обогащается. По мнению Н. А. Андрамоновой, С. Г. Ильенко, Л. Ю. Максимова, к ЦСПП относятся все предложения, в которых целевые отношения осложнены другими видами семантических отношений. Так, С. Г. Ильенко среди ЦСПП рассматривает «условно-целевые (*Всякое дело надо любить, чтобы хорошо его делать*), целевые степени (*Этой одной фамилии было достаточно, чтобы весь банк встрепенулся*), причинно-целевые (*Я замирала, не смела обернуться, чтобы не увидеть того, кого не существовало*); определительно-целевые (*Грянем песню и звонко, и смело, чтобы в ней наша сила жила*) (Ильенко, 1976). Н. А. Андрамонова включает в разряд СПП с целевым придаточным качественно-следственные предложения с коррелятами *так, таким образом, с таким расчетом: Отбор проб надо произвести так, чтобы как можно меньше нарушить естественную структуру объекта* (Андрамонова 1977)» [Овчинникова 2003: 18].

Как в лингвистике, так и в лингводидактике все больше ученых приходят к мнению о необходимости при выражении каких-либо отношений средствами простого и сложного предложений выделять три уровня. Если обратиться, например, к выражению причинных отношений, то это — собственно-причинные отношения, несобственно-причинные отношения и контекстуально-обусловленные причинные отношения (см., например, выражение причинных отношений средствами простого и сложного предложений в «Книге о грамматике» [Одинцова 2004: 478–518]). Подобное деление в определенной степени соответствует делению функционально-семантического поля на ядро, центр и периферию. Выделение таких зон в функционально-семантическом поле чрезвычайно актуально в практике преподавания русского языка в иностранной аудитории, поскольку оно, во-первых, отражает динамику подачи грамматического материала в зависимости от уровня владения языком иностранных учащихся, во-вторых, определяет объем этого материала. К выделению подобных зон прикладная лингвистика

пришла чисто эмпирическим путем. И только потом уровневый подход получил теоретическое обоснование.

Структурно-коммуникативные модели выражения целевых отношений, подобно причинным отношениям, базируются на предложениях с собственно-, несобственно- и контекстуально обусловленными целевыми отношениями. Собственно- и несобственно-целевые отношения (предложения) выделяются в исследованиях М. В. Глазунова [Глазунов 2016], А. Г. Мосинец [Мосинец 2018: 69], Н. А. Некрасовой [Некрасова 2014], Н. И. Овчинниковой [Овчинникова 2003].

Собственно-целевые отношения, выраженные средствами СПП, составляют ядро ЦСПП как наиболее стабильная часть функционально-семантического поля. Эти отношения передают значение цели — выражение желаемого результата как целенаправленного действия субъекта — в самом общем виде. Данные отношения актуализируются в предложении при наличии в пропозитивной семантике ЦСПП субъекта-агенса — одушевленного инициатора действия-события; отсутствии осложнения семантики цели другими, дополнительными, смысловыми оттенками: «*Но чтобы доказать вам, как я люблю вас и чту память покойного отца вашего, я сделаю невозможное*»; «*Она приехала теперь, чтобы выхлопотать определение в гвардию своему единственному сыну*» (Л. Н. Толстой. Война и мир). Несобственно-целевые предложения — это отношения «предназначения» того, о чем говорится в главном предложении: «*Надо было так устроить жизнь, чтобы каждое мгновение в ней было значительно*» (И. С. Тургенев. Отцы и дети); «*Мне казалось очень просто и ясно, что жить надо для того, чтобы быть счастливою, и в будущем представлялось много счастья*» (Л. Н. Толстой. Семейное счастье). Такие отношения актуализируются в предложении при наличии в пропозитивной семантике ЦСПП субъекта-агенса. Однако, если в собственно-целевых предложениях акцент ставится на активном деятеле целенаправленного действия, то в несобственно-целевых предложениях субъект, репрезентируемый эксплицитно или имплицитно, мыслится как косвенно-субъектный де-

агентивный носитель признака: *«Мне надо было почти два года прожить в остроге, чтобы приобрести расположение некоторых из каторжных»* (Ф. М. Достоевский. Записки из Мертвого дома); *«Надо только начать делать что-нибудь, чтобы понять, как мало честных, порядочных людей»* (А. П. Чехов. Вишневы сад). Основным средством выражения собственно- и несобственно-целевых отношений является союз *чтобы*, который позволяет выразить целевую семантику максимально чисто и обобщенно.

Итак, цель в собственно-целевых предложениях обозначает результат действий активно целеполагающего деятеля (выражение цели является одним из основных «элементов поведения и сознательной деятельности человека» [Философский энциклопедический словарь 1983: 763]). Абсолютно недопустимо приложение цели к предмету, поскольку предмет неспособен к сознательной деятельности. В собственно-целевых предложениях субъект главного предложения может быть выражен именем существительным в именительном падеже или может быть специально не выражен (в неопределенно-личных, определенно-личных и обобщенно-личных предложениях): *«Я пришел сюда, чтоб провести одну спокойную, счастливую минуточку»* (М. Ю. Лермонтов. Странный человек); *«Во время обеда в столовой объявили, чтобы все знали, что никакого опасного взрыва от бомбы и гранаты не было, а случился по неизвестной причине пожар на складе»* (А. Приставкин. Ночевала тучка золотая); *«Полечитесь прежде, приведите орган мышления, то есть мозг, в нормальное состояние, чтоб кровь то ему не мешала»* (А. И. Герцен. Кто виноват).

Обязательным условием формирования СПП с собственно-целевым значением является наличие в главном предложении глагола-сказуемого (или одной из глагольных форм), обладающего определенной семантикой: глагол должен называть динамичное действие активно действующего субъекта. «Активность, по мнению В. Б. Евтюхина, в широком смысле (ментальная и физическая) маркирующий признак целевых отношений» [Евтюхин 1997: 52–56]. По мнению Н. Д. Арутюновой, «обстоятельство цели отдает предпочтение активной конструкции, в то время как состояния

спонтанны, они не выбираются и не могут иметь цели» [Арутюнова 1992: 14]. Ряд лингвистов связывают выражение целевых отношений не просто с активным действием глагола, но и с характеристикой его как контролируемого со стороны субъекта (подробнее см.: [Булыгина, Шмелев 1997: 57; Зализняк 1992: 140; Кустова 1992: 146] и др.)

Роль глагола-сказуемого в формировании целевой семантики подтверждается высказываниями В. В. Виноградова, который писал: «предложения цели относятся: 1) непосредственно к сказуемому главного предложения; 2) к сказуемому вместе со всеми второстепенными членами, к нему относящимися; <...> 3) к обособленной группе слов в главном предложении, если в этой группе имеется неспрягаемая глагольная форма (причастие, деепричастие, инфинитив)» [Грамматика русского языка 1954: 334]: *«Мы вместе с Гагиным переправились через Рейн и, проходя мимо любимого моего ясеня с статушкой мадонны, присели на скамью, чтобы полюбоваться видом!»* (И. С. Тургенев. Ася); *«У него сидел известный профессор философии, приехавший из Харькова, собственно, затем, чтобы разъяснить недоразумение, возникшее между ними по весьма важному философскому вопросу»* (Л. Н. Толстой. Анна Каренина); *«Она взглянула на него и побледнела, потом еще раз взглянула с ужасом, не веря глазам, и крепко сжала в руках вместе веер и лорнетку, очевидно борясь с собой, чтобы не упасть в обморок»* (А. П. Чехов. Дама с собачкой).

Точку зрения, высказанную В. В. Виноградовым, в дальнейшем поддерживали такие ученые, как Е. А. Назикова, Э. И. Слабковская. Именно глагол в функции предиката выражает в главном предложении то новое, что несет мысль, и способен передать действие, предполагающее цель его актуализации: *«Отец игумен, чтобы встретить гостей, выступил вперед на середину комнаты»*; *«Старец направился к галерее, чтобы благословить ожидавших его»* (Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы). Тесная связь ЦПП с глаголом-сказуемым легко объяснима: целевые придаточные — это разновидность обстоятельственных квалификаторов, назначение которых — конкретизировать значение глагола.

ЦСПП традиционно рассматриваются как предложения расчлененного типа. Доминирующая роль глагола-сказуемого при выражении целевых отношений средствами СПП не препятствует характеристике этих предложений как расчлененных, так как целевое придаточное не заполняет семантическую валентность сказуемого главного предложения, ЦПП синтаксически не призываются, а лишь потенцируются глаголом.

Поскольку собственно-целевые отношения могут формироваться при глаголах определенной семантики, следует предположить, что целевые отношения предсказывают семантику глагола-сказуемого. Однако специальных работ, посвященных систематизации глаголов, способных участвовать в формировании целевых отношений в ЦСПП, нет. Опираясь на классификацию Л. В. Васильева [Васильев 1990: 121–123] и собранный материал, можно выделить основные группы глаголов, способных выражать целевые отношения в ЦСПП. Среди глаголов, обозначающих активное действие субъекта, наиболее часто употребляются глаголы движения, транзитивные и нетранзитивные, с приставками и без приставок (*идти, ехать, бежать, плыть, ходить, бегать, плавать; приехать, заехать, прибежать, забежать; нести, везти, принести, отвезти*); глаголы конкретного действия — физического, умственного, волевого (*стучать, пилить, читать, писать, разговаривать*); глаголы физической, речемыслительной и психической деятельности (*заниматься чем-либо, учиться, руководить*); глаголы воздействия — физического, психического, морального (*толкать, сжимать, наказывать, поощрять*) и т. д.

В несобственно-целевых предложениях целевые отношения трансформируются в отношения «предназначения»: *«Надо было устроить жизнь, чтобы каждое мгновение в ней было значительно»* (И. С. Тургенев. Отцы и дети); *«Можно представить себе, сколько нужно выпить таких чашек и сколько заплатить за них денег, чтобы напиться»* (Ф. М. Достоевский. Записки из Мертвого дома).

Предложения с несобственно-целевыми отношениями, обозначающими «предназначение», вызывают неоднозначное толкование в тради-

ционной лингвистике. Так, рассматривая предложения типа: *«И надо же что-нибудь с бородой сделать, чтобы она росла как-нибудь»* (А. П. Чехов. Вишневы сад), Н. И. Формановская считает, что в подобных предложениях ничего не осталось от собственно целевой семантики, так как в них выражено представление «о необходимости основания и вытекающем отсюда следствии» [Формановская 1978: 121]. Аналогичного взгляда придерживается Н. С. Валгина, которая полагает, что в предложениях с семантикой «предназначения» можно усмотреть «осложнение целевого значения условным <...> с обозначением в главной части не активно осуществляемого действия, а представляемого как необходимое: *Нужно было забраться высоко в горы, чтобы увидеть первозданную красоту голубого озера»* [Валгина 2003: 330]. По мнению Н. П. Галкиной, в подобных предложениях «желательный результат служит одновременно обоснованием необходимости, долженствования, возможности/невозможности, достаточности/недостаточности того или иного предмета, действия, признака, чтобы вызвать нужное для говорящего следствие» [Галкина, 2014: 158]. Основное отличие несобственно-целевых предложений от собственно-целевых заключается в том, что в главной их части «содержится указание не на совершение действия для достижения какой-либо цели, а только на то, что такое действие было бы достаточно или необходимо совершить, будь у субъекта такая цель» [Мосинец 2018: 291].

Несмотря на неоднозначное отношение к ЦСПП, выражающим «предназначение», эти предложения можно рекомендовать учащимся в качестве структурно-коммуникативных моделей, поскольку целевая семантика в них выражается регулярно и частотно, а формирование этого значения связано с употреблением в главном предложении особого круга слов. В ЦСПП «предназначения» в главной части обычно употребляются слова со значением необходимости, возможности, желательности с инфинитивом или без него: *надо, необходимо, нужно, нужен, можно, требуется, понадобится, пришлось* и т. п.: *«Тут, попутно, заметил он часовой механизм, приделанный сбоку: надо было сбоку вертеть металли-*

ческим ключиком, чтобы острая черная стрелка стала на назначенный час» (А. Белый. Петербург); «Ты оставь ее, пускай в грязи лежит, по ней пройти можно, чтобы ног не замарать» (А. М. Горький. Фома Гордеев); «Пришлось остановиться, чтобы дать отдых лошадям» (В. К. Арсеньев. По Уссурийскому краю); слова с количественным значением типа: достаточно, недостаточно, мало, хватит и т. п.: «Мало слов у меня, чтобы намекнуть на все великоление птичьего концерта» (М. М. Пришвин. Болото); «Достаточно одного человеческого экземпляра, чтобы судить обо всех других» (И. С. Тургенев. Отцы и дети).

Часто в главном предложении ЦСПП с несобственно-целевыми отношениями «предназначения» имеется объект, в семантике которого заключено основание для формирования цели. В придаточном в этом случае содержится цель, «с которой используется предмет, или цель самого его существования» [Мосинец 2018: 69]. В роли объекта в рассматриваемых предложениях обычно выступают конкретные предметы или классы предметов, которые созданы людьми специально для совершения над ними какого-то действия. По мнению И. Б. Левонтиной, «назначением обладают большинство артефактов: инструменты, механизмы, вместилища и иные объекты, которые создаются специально ради определенного свойства» [Левонтина 1996: 45]. Целевая семантика в таких случаях может быть охарактеризована как семантика «назначения»: «Ей посоветовали предварительно принимать несколько таблеток, чтобы обезболивание было более эффективным» (А. Маринина. Предсмертный образ).

Выводы

Рассмотренные собственно- и несобственные целевые предложения могут быть рекомендованы учащимся в качестве структурно-коммуникативных моделей. Эти предложения обладают зафиксированным в словарях и грамматиках арсеналом специализированных средств выражения. Такие средства регулярно и частотно воспроизводят категориальное значение функционально-семантического поля цели.

Структурно-коммуникативные модели выражения целевых отношений сложным предложением в практике преподавания русского языка иностранцам могут быть записаны следующим образом: для выражения собственно-целевых отношений средствами сложноподчиненного предложения, когда придаточная часть указывает на цель того, о чем говорится в главной части, в главном предложении используется субъект-агенса, называющий активно действующее лицо, а глагол-сказуемое обозначает активное действие этого субъекта (обычно в роли глагола-сказуемого в главном предложении выступают глаголы движения, перемещения, единичного активного действия, глаголы мыслительной и речевой деятельности типа: ехать, бежать, подниматься, говорить и т. п.). Для выражения несобственно-целевых отношений (значение «предназначения») используются предложения с модальными словами (надо, нужно, мало, достаточно и т. п.), а субъект обычно выражен косвенным падежом имени существительного или местоимения. Придаточные цели присоединяются к главной части при помощи союза чтобы и его модификаций: для того чтобы, с тем чтобы, затем чтобы, с той целью чтобы, ради того чтобы. Подробнее грамматический комментарий и упражнения на отработку выражения целевых отношений средствами сложного и простого предложений см.: [Lubensky, Odintsova 2010: 76–87].

Несмотря на бесспорные случаи выражения целевых отношений, большинство ЦСПП с союзом чтобы лежат в зоне синкретизма. «Надо помнить, — писал Л. В. Щерба, — что ясны лишь крайние случаи. Промежуточные же в самом первоисточнике — в сознании говорящих — оказываются колеблющимися, неопределенными. Однако это неясное и колеблющееся и должно больше всего привлекать лингвиста» [Щерба 1958: 35–36]. Явления синкретизма в языке, с одной стороны, отражают его богатство, с другой — затрудняют введение их в практику преподавания русского языка как иностранного.

Среди предложений, осложненных семантикой других отношений, могут быть выделены ЦСПП: определительно-целевые: «Даже и шел с тем намерением, чтоб сообщить, хотя вы,

врочем, наверно уж и сами слышали» (Ф. М. Достоевский. Бесы); условно-целевые: «Нужно быть действительно великим человеком, чтоб суметь устоять даже против здравого смысла» (Ф. М. Достоевский. Бесы); целевые степени: «Ему казалось, что он достаточно научен горьким опытом, чтобы называть их как угодно, но все же без “низшей расы” он не мог бы прожить и двух дней» (А. П. Чехов. Дама с собачкой); причинно-целевые: «Она взглянула на него и побледнела, потом еще раз взглянула с ужасом, не веря глазам, и крепко сжала в руках вместе веер и лорнетку, очевидно борясь с собой, чтобы не упасть в обморок» (А. П. Чехов. Дама с собачкой).

Случаи, когда целевая семантика осложнена другими семантическими отношениями — контекстно-обусловленное употребление ЦСПП, следует рекомендовать учащимся в качестве материала для наблюдения, где релевантным для обучения является принцип рассмотрения предложений от формы к значению. Внимание преподавателя и учащегося в упражнениях на наблюдение должно быть обращено на конфигурацию смыслов главного и придаточного предложений. Эти виды упражнений, хотя и не служат развитию навыков продуцирования речи, однако помогают выработке рецептивных грамматических навыков, что развивает языковое чутье и совершенствует языковую компетенцию учащихся.

ЛИТЕРАТУРА

- Аксаков 1875 — Аксаков К. С. Критический разбор «Опыта исторической грамматики русского языка» Ф. Булаева. В кн.: Аксаков К. С. *Полное собрание сочинений*. Т. 2. Ч. 1. М.: Университетская тип. (Катков и К), 1875. 660 с.
- Арутюнова 1992 — Арутюнова Н. Д. Язык цели. В сб.: *Логический анализ языка. Модели действия*. Арутюнова Н. Д., Рябцева Н. К. (ред.). М.: Наука, 1992. С. 14–23.
- Булыгина, Шмелев 1997 — Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. *Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики)*. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 576 с.
- Валгина 2003 — Валгина Н. С. *Современный русский язык. Синтаксис*. 4-е изд., испр. М.: Высшая школа, 2003. 416 с.
- Васильев 1990 — Васильев Л. М. *Современная лингвистическая семантика*. М.: Высшая школа, 1990. 176 с.
- Галкина 2014 — Галкина Н. П. Функционально-семантические разновидности целевых сложноподчиненных предложений в произведениях естественно-научного цикла. *Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова*. 2014, (2): 157–160.
- Глазунов 2016 — Глазунов М. В. Развитие собственно-целевых сложноподчиненных предложений в структурно-семантическом аспекте с 20–30-х годов XIX века по 90-е годы XX века. *Вестник Брянского государственного университета*. 2016, (1): 232–235.
- Грамматика русского языка 1954 — *Грамматика русского языка*: в 2 т. Т. 2. Синтаксис. Виноградов В. В. (ред.). М.: Изд-во АН СССР, 1954. 444 с.
- Евтюхин 1997 — Евтюхин В. Б. *Категория обусловленности в современном русском языке*. СПб.: Изд-во С.-Петербург. гос. ун-та, 1997. 198 с.
- Зализняк 1992 — Зализняк А. А. Контролируемость ситуации в языке и жизни. В сб.: *Логический анализ языка: Модели действия*. Арутюнова Н. Д., Рябцева Н. К. (ред.). М.: Наука, 1992. С. 138–144.
- Кустова 1992 — Кустова Г. И. Некоторые проблемы анализа действия в терминах контроля. В сб.: *Логический анализ языка: Модели действия*. Арутюнова Н. Д., Рябцева Н. К. (ред.). М.: Наука, 1992. С. 145–149.
- Левонтина 1996 — Левонтина И. Б. Целесообразность без цели. *Вопросы языкознания*. 1996, (1): 42–57.
- Мосинец 2018 — Мосинец А. Г. *Сложные предложения с придаточными цели и причины в болгарском языке (на фоне русского языка)*. Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2018. 311 с.
- Некрасова 2014 — Некрасова Н. А. Функционально-семантические разновидности целевых сложноподчиненных предложений в произведениях естественно-научного цикла. *Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова*. 2014, (2): 157–160.
- Овчинникова 2003 — Овчинникова Н. И. *Сложноподчиненные предложения, выражающие целевые отношения (на материале русского и английского языков)*. Дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2003. 148 с.
- Одинцова 2002 — Одинцова И. В. Структурно-коммуникативные модели с причинной семантикой в простом предложении. *Вестник Московского университета. Серия 9. Филология*. 2002, (1): 49–72.
- Одинцова 2004 — Одинцова И. В. Выражение причинно-следственных отношений. В кн.: *Книга о грамматике. Русский язык как иностранный*. Величко А. В. (ред.). М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. 648 с.
- Одинцова 2009 — Одинцова И. В. Категория следствия. Опыт построения коммуникативной практической грамматики РКИ на материале выражения следственной семантики сложноподчиненным предложением. *Вестник ЦМО МГУ. Филология. Культурология. Педагогика. Методика*. 2009, (4): 7–14.
- Философский энциклопедический словарь 1983 — *Философский энциклопедический словарь*. Ильичев Л. Ф., Федосеев П. Н., Ковалев С. М., Панов В. Г. (ред.). М.: Советская энциклопедия, 1983. 840 с.
- Формановская 1978 — Формановская Н. И. *Стилистика сложного предложения*. М.: Русский язык, 1978. 240 с.
- Шведова 1970 — Шведова Н. Ю. *Грамматика современного русского литературного языка*. М.: Наука, 1970. 768 с.

Щерба 1958 — Щерба Л. В. *Избранные работы по языкознанию и фонетике*. Т. 1. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1958. 183 с.

Lubensky, Odintsova 2010 — Lubensky S., Odintsova I. *Advanced Russian: From reading to speaking. От текста к речи*. In 2 books. Book 2. Grammar. Exercises. USA: Indiana University, Slavica Publishers, 2010. 366 с.

REFERENCES

Аксаков 1875 — Aksakov K.S. Critical analysis of the “Experience of the historical grammar of the Russian language” F. Buslaev. In: Aksakov K. S. *Full composition of writings*. T. 2. Ch. 1. Moscow: Universitetskaia tipografiia (Katkov i K) Publ., 1875. 660 p. (In Russian)

Арутюнова 1992 — Arutiunova N.D. Target language. In: *Logicheskii analiz iazyka: Modeli deistviia*. Arutiunova N.D., Ryabtseva N. K. (eds). Moscow: Nauka Publ., 1992. P. 14–23. (In Russian)

Булыгина, Шмелев 1997 — Bulygina T.V., Shmelev A. D. *Linguistic conceptualization of the world (based on Russian grammar)*. Moscow: Shkola “Iazyki russkoi kul'tury” Publ., 1997. 576 p. (In Russian)

Валгина 2003 — Valgina N.S. *Modern Russian Language Syntax*. 4th ed., revised. Moscow: Vysshiaia shkola Publ., 2003. 416 p. (In Russian)

Васильев 1990 — Vasil'ev L. M. *Modern linguistic semantics*. Moscow: Vysshiaia shkola Publ., 1990. 176 p. (In Russian)

Галкина 2014 — Galkina N.P. Functional-semantic varieties of target complex sentences in the works of the natural science cycle. *Vestnik Kurskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N. A. Nekrasova*. 2014, (2): 157–160. (In Russian)

Глазунов 2016 — Glazunov M.V. The development of self-target complex sentences in the structural and semantic aspect from the 20s–30s of the XIX century to the 90s of the XX century. *Vestnik Brianskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2016, (1): 232–235. (In Russian)

Грамматика русского языка 1954 — *Grammar of Russian language*. In 2 vols. Vol. 2. Syntaxis. Vinogradov V.V. (ed.). Moscow: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR Publ., 1954. 444 p. (In Russian)

Евтюхин 1997 — Evtiukhin V.B. *Category of conditionality in modern Russian language*. St. Petersburg: St. Peterburg University Press, 1997. 198 p. (In Russian)

Зализняк 1992 — Zalizniak A. A. Controllability of the situation in language and life. In: *Logicheskii analiz iazyka: Modeli deistviia*. Arutiunova N.D., Ryabtseva N. K. (eds). Moscow: Nauka Publ., 1992. P. 138–144. (In Russian)

Кустова 1992 — Kustova G.I. Some Problems of Analyzing Action in Terms of Control. In: *Logicheskii analiz iazyka: Modeli*

deistviia. Arutiunova N.D., Ryabtseva N. K. (eds). Moscow: Nauka Publ., 1992. P. 145–149. (In Russian)

Левонтина 1996 — Levontina I.B. Purpose without purpose. *Voprosy iazykoznaniiia*. 1996, (1): 42–57. (In Russian)

Мосинец 2018 — Mosinets A. G. Compound sentences with subordinate goals and reasons in Bulgarian (against the background of the Russian language). PhD thesis. St. Petersburg, 2018. 311 p. (In Russian)

Некрасова 2014 — Nekrasova N.A. Functional-semantic varieties of target complex sentences in the works of the natural science cycle. *Vestnik Kurskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N. A. Nekrasova*. 2014, (2): 157–160. (In Russian)

Овчинникова 2003 — Ovchinnikova N.I. *Complex sentences expressing target relations (on the material of Russian and English languages)*. PhD thesis. Voronezh, 2003. 148 p. (In Russian)

Одинцова 2002 — Odintsova I. V. Structural-communicative models with causal semantics in a simple sentence. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serii 9. Filologiya*. 2002, (1): 49–72. (In Russian)

Одинцова 2004 — Odintsova I. V. Expression of causal relationships. In: *Kniga o grammatike. Russkii iazyk kak inostrannyi*. Velichko A. V. (ed.). Moscow: Moscow University Press, 2004. 688 p. (In Russian)

Одинцова 2009 — Odintsova I. V. Category of consequence. Experience in constructing a communicative practical grammar of Russian as a foreign language on the basis of the expression of investigative semantics by a complex sentence. *Vestnik Tsentra Mezhdunarodnykh otnoshenii Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta*. Filologiya. Kul'turologiya. Pedagogika. Metodika. 2009, (4): 7–14. (In Russian)

Философский энциклопедический словарь 1983 — *Philosophical encyclopedic dictionary*. Ilyichev L. F., Fedoseev P.N., Kovalev S.M., Panov V.G. (eds). Moscow: Sovetskaia entsiklopediia Publ., 1983. 840 p. (In Russian)

Формановская 1978 — Formanovskaia N.I. *Complex sentence style*. Moscow: Russkii iazyk Publ., 1978. 240 p. (In Russian)

Шведова 1970 — Shvedova N. Iu. *Grammar of the modern Russian literary language*. Moscow: Nauka Publ., 1970. 768 p. (In Russian)

Щерба 1958 — Shcherba L. V. *Selected works on linguistics and phonetics*. Vol. 1. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1958. 183 p. (In Russian)

Lubensky, Odintsova 2010 — Lubensky S., Odintsova I. *Advanced Russian: From reading to speaking. От текста к речи*. In 2 books. Book 2. Grammar. Exercises. USA: Indiana University, Slavica Publishers, 2010. 366 p. (Russian and English ed., bilingual edition)